

ЦЕЛЬ КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И КРИМИНООБРАЗУЮЩИЙ ПРИЗНАК АКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

М. А. Воднева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Москва)

Поступила в редакцию 16 июля 2018 г.

Аннотация: обосновывается оптимизация уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за акт международного терроризма, с учетом ориентированности субъекта преступления на получение, распределение, удержание и реализацию политической власти, ослабление политических противников и усиление собственных позиций на международном уровне.

Ключевые слова: акт международного терроризма, политические цели, криминообразующий признак в уголовном праве.

Abstract: the paper highlights the necessity of optimization of the criminal rule establishing liability for the act of international terrorism. One should take into account the orientation of the offender to obtain, distribute, retain and implement political power, to weaken political opponents and to increase his own influence across the globe.

Key words: act of international terrorism, political objective, vital element in criminal law.

Цель в уголовном праве – категория сложная и многоаспектная. Как элемент субъективной стороны состава преступления цель представляет собой мысленную модель идеального и желаемого будущего результата, отображенного в сознании субъекта, к которому он стремится при совершении преступления¹. Именно для осуществления цели человек влияет на окружающий мир, в противном случае его деятельность носила бы характер естественного процесса, не подлежащего правовой оценке. Под углом криминализации, которая понимается как процесс включения в Уголовный кодекс нового состава преступления или внесения изменений, связанных с расширением основания уголовной ответственности, в существующий состав преступления², цель, точнее ее антисоциальный характер, рассматривается в том случае, если ею в значительной степени обуславливается повышение общественной опасности деяния в целом. Ведь согласно устоявшемуся в теории уголовного права подходу имен-

¹ См.: Максимов С. В. Цель в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 15–38 ; Уголовное право Армении и России. Общая и Особенная части / отв. ред. С. С. Аветисян, А. И. Чучаев. М., 2014. С. 124 ; Уголовное право Российской Федерации : Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 175.

² См.: Радошинова Н. В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 9.

но объективно существующая реализованная или потенциальная общественная опасность является материальным основанием криминализации деяния. Антисоциальная цель выражает отрицательное отношение субъекта к другим членам общества и признаваемым ими ценностям, стремление противодействовать им. Цель стимулирует и регулирует деятельность, определяет характер и упорядоченность разрозненных актов, которые, будучи направлены к достижению единого результата, аккумулируются в единое общественно опасное деяние. В соответствии с целью субъект выполняет поиск и выбор способов и путей ее реализации, которые сами по себе могут быть общественно опасными³.

Цели, которые, по мнению законодателя, определяют содержание общественной опасности деяния, при конструировании или модернизации состава преступления трансформируются в криминообразующий признак – обязательный признак субъективной стороны, предназначенный для того, чтобы отграничить конкретное преступление от неправомерного деяния либо смежные преступления друг от друга⁴. Так, цель признана российским законодателем криминообразующим признаком при конструировании основного состава преступления, именуемого актом международного терроризма (ч. 1 ст. 361 УК РФ). В настоящее время для обозначения цели в диспозиции указанной нормы законодатель использует два понятия – нарушение мирного сосуществования государств и народов и причинение вреда интересам Российской Федерации. Полагая, что оба понятия нуждаются в оптимизации, и в обоснование своих соображений приводим следующие доводы.

Мир и безопасность человечества являются родовым объектом всех преступлений (в том числе акта международного терроризма), расположенных в главе 34 УК РФ. Мы разделяем мнение о том, что мир представляет собой не просто «состояние, характеризующееся отсутствием фактических военных действий между государствами»⁵, но и «особые политико-правовые отношения между государствами и иными субъектами международного права, которые основываются на невраждебном проведении внешней политики, взаимном уважении корреспондирующих интересов и взаимообусловленном стремлении к достижению консенсуса по острым вопросам без использования силовых методов»⁶. Мирное сосуществование государств (основной политической организации общества, составляющей его управление, охрану экономической и со-

³ См.: Черепенников Р. В. Цели преступного деяния и их уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 77 ; Уголовное право Армении и России. Общая и Особенная части. С. 124.

⁴ См.: Гейн А. К. Цель как криминообразующий признак : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 7.

⁵ Кибальник А. Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб., 2004. С. 21.

⁶ Лобач Д. В. Международный правопорядок как объект уголовно-правовой охраны в международном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. М., 2014. № 1. С. 14–16.

циальной структуры) и народов (населения государств, жителей стран) также предполагает одновременное существование разных государств и народов в согласии между собой, при отсутствии вражды, ссор, войны между ними⁷. Сопоставляя приведенные трактовки, приходим к выводу, что нарушение мирного сосуществования имеет такое же негативное значение для суверенных государств (групп государств), народов, международных организаций, что и нарушение мира, т. е. цель преступления звучит так же, как его родовый объект. Подобная ситуация, с одной стороны, способна привести к расширительному толкованию и ошибочной квалификации, а с другой – никакой дополнительной смысловой нагрузки не несет и, по выражению В. П. Емельянова, «выглядит типичной тавтологией, как если бы диспозицию статьи об ответственности за убийство сформулировать примерно так: «умышленное убийство в целях лишения жизни»⁸.

Описание цели преступления в ст. 361 УК РФ позволяет судить о данной норме как замысленной, главным образом, для самозащиты и защиты своих граждан от преступных посягательств, совершенных вне территории России. Так, национальные интересы Российской Федерации, исходя из Указа Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», есть объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. Названным документом установлено, что национальные интересы России состоят в укреплении обороны страны, обеспечении незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; укреплении национального согласия, политической и социальной стабильности, развитии демократических институтов, совершенствовании механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; повышении качества жизни, укреплении здоровья населения, обеспечении стабильного демографического развития стра-

⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Т. 4 : Общая часть / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017. С. 249.

⁸ Уместно будет вспомнить ситуацию, когда при законодательном описании терроризма (ст. 205 УК РФ в ред. от 13.06.1996) в качестве специальной цели называлось «нарушение общественной безопасности». Подобная формулировка цели преступления, структурно помещенного в главе 24 «Преступления против общественной безопасности», справедливо признавалась отдельными авторами неудачной и впоследствии была упразднена законодателем (см.: *Гринько С. Д.* Борьба с террористами и захватом заложника : уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1998. С. 142 ; *Дерюгина Ю. Н.* Терроризм : уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 151–152 ; *Емельянов В. П.* Терроризм – как явление и как состав преступления. Харьков, 1999. С. 179–180 ; *Кириллов И. А.* Проблемы современного терроризма в социально-правовом, криминологическом и уголовно-правовом аспектах // Проффессионал. 1999. № 1. С. 31 ; Терроризм : психологические корни и правовые оценки. Круглый стол // Государство и право. 1995. № 4. С. 42).

ны; сохранении и развитии культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; повышении конкурентоспособности национальной экономики; закреплении за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира. То есть, исходя из приведенных положений, ответственность за акт международного терроризма по российскому уголовному законодательству должна наступать в случае совершения лицом вне государственной территории России действий, которые указаны в норме, направленных на причинение вреда объектам, отражающим ее национальные интересы.

Вместе с тем доктринальные наработки и международно-правовые положения позволяют оценить акт международного терроризма как особую форму насилия универсального значения, т. е. дестабилизирующего мирную жизнь и затрудняющего эффективную реализацию своих потребностей и интересов представителями всего международного сообщества. Так, еще в 70-х гг. XX в. Дж. Дугард под международным терроризмом предложил понимать насильственные акты, имеющие целью вызвать политические изменения, которые подрывают международные отношения и которые международное сообщество рассматривает как несовместимые с желаемыми нормами поведения⁹. В ст. 2 проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме ее разработчики определили, что цель международного терроризма заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения¹⁰. В Модельном законе «О борьбе с терроризмом» международный терроризм определяется как вид терроризма, акции которого, осуществляемые гражданами одной или нескольких стран, имеют цель подрыва конституционного строя иных государств либо международного правопорядка или международных отношений в целом¹¹. А. Г. Волеводз подчеркивал, что международный терроризм – это деяние, посягающее на международный правопорядок, а его совершение (конкретные акты террора) направлено на достижение международно-противоправных целей¹².

⁹ Цит. по: Басецкий И. И., Легенченко Н. А. Терроризм : генезис явления и международный опыт борьбы. Минск, 2001. С. 23.

¹⁰ Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 г. Шестнадцатая сессия (8–12 апреля 2013 г.). Документ ООН A/68/37. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/292/54/PDF/N1329254.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.06.2018).

¹¹ О борьбе с терроризмом : модельный закон (новая редакция) : принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 апреля 2004 г. № 23-5. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

¹² См.: Волеводз А. Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. М., 2014. № 2. С. 4.

Кроме того, специфической чертой акта международного терроризма, которой, на наш взгляд, в значительной мере обусловлена разработка оптимальной формы уголовно-правового реагирования, выступает наличие у террористов притязаний на обладание властью, адресованных субъектам политического процесса (государствам, союзам государств, нациям, классам, политическим партиям, элитам, лидерам и т. д.)¹³. Содержание власти составляют способность, право и возможность оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение, нравы и традиции людей, их общностей, на само существование и деятельность организаций, государств и регионов мира с помощью различного рода средств – закона, права, авторитета, воли, суда, принуждения, устрашения. Криминальные реалии в России и в мире свидетельствуют о том, что субъекты международно-террористической деятельности стремятся включиться во внешнеполитические процессы, представляющие собой результат взаимодействия конкретного государства с другими государствами в рамках системы международных отношений¹⁴, чем ставят под угрозу мирное, стабильное, безопасное существование и прогрессивное развитие участников международного сообщества.

С учетом изложенного представляется, что при законодательном описании субъективной стороны акта международного терроризма, во-первых, надлежит учитывать наличие у субъекта преступления властных устремлений, вступающих в конфликт с правилами существования, функционирования и самосохранения иного государства, группы государств, народов, международной организации¹⁵; во-вторых, не ограничивать цель преступления нарушением национальных интересов России, посягательством на жизнь и здоровье исключительно российских граждан за рубежом.

Принимая во внимание, что акт международного терроризма разворачивается в политическом поле в рамках беспринципной борьбы за право осуществлять контроль и распределение власти на международном уровне, все притязания террористов по завоевыванию, удержанию и использованию власти, адресованные субъектам политического процесса, полагаем возможным объединить в данной работе понятием «политические цели». В УК РФ понятия «политические цели» не представлено. В ч. 1 ст. 3 Закона РФ «О политических партиях» указано, что политическими целями являются участие граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участие в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также представление интересов граждан в

¹³ См.: Глухова А. В. Политические процессы : учеб. пособие. Воронеж, 2009. С. 8.

¹⁴ См.: Там же. С. 20.

¹⁵ См.: Дикаев С. У. Терроризм : феномен, обусловленность и меры противодействия : уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 15.

органах государственной власти и органах местного самоуправления¹⁶. Здесь осью понятия «политические цели» выступает участие физических лиц в построении вертикали государственной власти Российской Федерации. П. А. Кабанов предложил более широкое понимание политических целей как изменение, прекращение деятельности конституционных органов государственной власти, высших должностных лиц национального или иностранного государства либо видных политических деятелей (лидеров политических или религиозных общественных объединений или международных организаций), либо изменение внешних или внутренних границ государства в определенном государстве (или группе государств), регионе¹⁷.

Следует сделать оговорку о том, что мы не предлагаем переносить в уголовный закон понятие «политические цели». Очевидно, что дополнение или замена не слишком корректных формулировок, используемых сегодня при законодательном описании акта международного терроризма, еще более расплывчатым понятием «политические цели» лишь создаст новые трудности при толковании и применении рассматриваемой нормы: использование данного понятия в рамках настоящего исследования носит аналитический характер. Представляется, что политические цели выступают родовым понятием по отношению к многовариантным прообразам узурпации власти в будущем, которые возникают в сознании субъекта преступления и связываются им с изменением политической действительности. Установление сущностных аспектов данного родового понятия создаст предпосылки для наиболее точного выражения в уголовном законе специальных целей акта международного терроризма.

Опираясь на доктринальные положения политологии, полагаем возможным политическими целями называть те ориентиры деятельности субъектов политического процесса, которые связаны с их исключительным правом на волевой общезначимый акт выбора, включая его разработку, принятие и реализацию, предполагающий отказ от всех альтернатив. Как показывает действительность, политические цели присущи не только официальным субъектам политического процесса, но также нелегитимным ценностно-дезорientированным акторам при совершении ими общественно опасных деяний на местном, региональном, общенациональном и мировом уровнях. Ключевым параметром международно-террористической деятельности сегодня выступает опосредованное воздействие на власти одного или нескольких государств, органы управления международных организаций, способные принимать решения о распределении и реализации власти в определенных пространственных пределах, путем уничтожения или устрашения неопределенного круга гражданских лиц и объектов. Обосновывая ориентиры своей деятель-

¹⁶ О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (в ред. от 05.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Кабанов П. А. Политический терроризм : криминологическая характеристика и меры сдерживания. Нижнекамск, 1998. С. 29.

ности, террористы отрицают реальное влияние актов международных и государственных органов на судьбу, поведение и взаимоотношения участников международного сообщества, общества отдельно взятого государства, его структур, жизнь, безопасность и благополучие отдельных граждан. Если участники международного сообщества реализуют свои властные притязания в соответствии с нравственными и правовыми нормами, когда каждый поступает чем-то, то террористы базируются на том, что посредством антисоциальных и преступных актов, затрудняя удовлетворение насущных потребностей и интересов, диктуют рационально действующим автономным субъектам собственную линию поведения.

На наш взгляд, в зависимости от масштаба и содержания цели международного терроризма (его конкретных актов) верно подразделять на стратегические и тактические¹⁸. Первые, как правило, имеют программное и концептуальное выражение, так как субъектами их постановки являются лидеры террористических сообществ (организаций). Стратегические цели есть идеальный предмет сознательного стремления последних, а именно: властно-управленческая и организаторская деятельность в различных национальных пространствах. Однако власть – это благо, которое добровольно не отдают, и даже по поводу ее частичной уступки политические акторы крайне неохотно переходят к обоюдовыгодному торгу. Вполне объяснимо, что для реализации названной крупной цели необходимы благоприятные условия, на создание которых ориентированы цели тактические (или «промежуточные»). Тактические цели – это и есть представимый образ будущего, согласующийся с программными террористическими установками, к которому конкретное физическое лицо стремится в ходе текущей террористической деятельности при совершении преступлений. Тактические цели многообразны и главным образом сводятся к тому, чтобы поразить или уничтожить политического противника, достигшего и способного удерживать, укреплять или реализовать собственную власть на определенной территории или в отношении определенного круга лиц. Например, Ю. И. Авдеев к тактическим целям отнес: изменение отношений той или иной страны с другими иностранными государствами (во имя защиты независимости, национальной культуры от «американского империализма», европейской «аморальной культуры», участия в агрессивных внешнеполитических акциях и т. п.); освобождение от иностранной зависимости; срыв международных акций по разрешению региональных или международных конфликтов; создание неблагоприятных условий для деятельности граждан и учреждений определенной страны за границей; выражение протеста против внешней политики

¹⁸ См.: Авдеев Ю. И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм : состояние и перспективы : сб. статей / отв. ред. Е. И. Степанов. М., 2000. С. 44–47.

отдельных государств или блоков государств; подрыв авторитета определенных государств на международной арене и т. д.¹⁹

Цели стратегические в норме уголовного права не закрепляются, их наличие лишь подразумевается. Тактические цели, как нам думается, не следует оставлять за рамками состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 361 УК РФ, так как их наличие изменяет само существо общественно опасного деяния. Равно как и террористический акт (ст. 205 УК РФ), акт международного терроризма направлен на то, чтобы опосредованно воздействовать на власти через невинных жертв, не являющихся непосредственными участниками конфликта. Разница (по целям общественно опасного деяния) заключается в том, что террористический акт (с учетом фактических ситуаций его совершения, а не законодательного описания, которое, на наш взгляд, также нуждается в корректировке) может быть связан с требованиями, адресованными любым субъектам (физическим лицам, государствам, организациям (как российским, так и иностранным) и их представителям, юридическим лицам, представителям общественных организаций, должностным лицам), располагающим возможностью принять решение (либо воздержаться от его принятия), угодное террористам. Во-первых, в случаях, когда террористический акт адресован органам власти или международным организациям, субъект террористического акта далеко не всегда стремится к завладению властными полномочиями. Диапазон желаемых результатов крайне широк – от устрашения людей до удовлетворения узконаправленных или даже абсурдных личных потребностей. Во-вторых, когда в качестве специальной цели выступает поражение политического противника в лице национальных или наднациональных органов власти, субъект террористического акта не затрагивает интересов иностранного государства и (или) международного сообщества в целом. В-третьих, участниками преступления цель террористического акта может вовсе не анонсироваться, а выводиться из конкретных обстоятельств его совершения²⁰. В отличие от «внутригосударственного» террористического акта, субъективно-содержательная особенность деяния, именуемого актом международного терроризма, заключается именно в наличии внешнеполитической цели. Для заполучения власти в ином государстве или регионе мира субъект, совершая данное преступление, стремится «переступить» через чужой суверенитет, представляющий собой верховенство, независимость, самостоятельность и полноту государственной власти конкретного государства на его территории и независимость в международном общении²¹, и

¹⁹ См.: Авдеев Ю. И. Указ. соч. С. 44–47.

²⁰ См.: Воднева М. А. О становлении и совершенствовании нормы уголовного права, устанавливающей ответственность за террористический акт // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. Воронеж, 2018. № 1. С. 207–217.

²¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государствен-

в конечном итоге присвоить его себе. Отсутствие в деянии обозначенного субъективного признака не позволяет признать за ним повышенной общественной опасности по сравнению с иными террористическими акциями.

По нашему мнению, политические цели относятся к так называемым «типичным» целям, повторяющимся для определенного вида преступлений, которые могут быть мысленно обобщены законодателем и указаны в уголовно-правовой норме²². С учетом изложенного выше при формулировании криминообразующего признака в диспозиции уголовно-правовой нормы предлагаем не употреблять понятие «политические цели», а воспользоваться иной терминологией для его описания. К примеру, в нормах государств – участников СНГ, устанавливающих уголовную ответственность за преступления террористического характера, используются такие конструкции, как «разжигание международных осложнений или войны», «дестабилизация внутренней обстановки иностранного государства» (ст. 389 УК Республики Армения); «провокация международных осложнений или войны», «дестабилизация общественного порядка в иностранном государстве» (ч. 1 ст. 126 УК Республики Беларусь); «оказание воздействия на принятие решений иностранным государством или международной организацией», «осложнение международных отношений» (ч. 1 ст. 255 УК Республики Казахстан); «устрашение населения какого-либо государства или его части», «понуждение каких-либо государства, международной организации совершить какое-либо действие либо воздержаться от его совершения» (ч. 1 ст. 278 УК Республики Молдова); «осложнение международных отношений», «нарушение суверенитета и территориальной целостности, подрыв безопасности государства», «провокация вооруженного конфликта», «дестабилизация общественно-политической обстановки» (ст. 155 УК Республики Узбекистан).

На наш взгляд, основным параметром криминализации акта международного терроризма следует признать создаваемую им угрозу незащищенности прав и свобод человека, государственных и общественных органов и институтов, а также политической, социальной, экономической обстановки в каком-либо государстве или регионе мира. Питаемые такой угрозой страх, бессилие и неуверенность людей в своей безопасности нередко трансформируются в несогласованные акции, массовые беспорядки, что явно не способствует нормальному функционированию и укреплению авторитета официальных правящих сил. В качестве примера можно привести события, вызванные взрывами и убийствами посетителей на территории стадиона, ресторанов и концертного зала в Париже (13 ноября 2015 г.), взрывами и наездами на пешеходов в Испании (17 августа 2017 г.). Впоследствии квалифицированные как теракты эти

ной власти субъектов Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² См.: Черепенников Р. В. Указ. соч. С. 21.

деяния не только причинили вред и создали реальную угрозу жизни, здоровью, безопасности, имущественному благополучию граждан различных государств, но также повлекли введение в стране совершения чрезвычайного положения (лишь четвертый раз за всю историю Франции), приведение в состояние полной боевой готовности вооруженных сил, усиление контроля на государственной границе²³, организацию митингов противниками исламизации Европы. Модель подобного результата, на достижение которого нередко направляются акты международного терроризма, на наш взгляд, удачно обозначается конструкцией «дестабилизация общественно-политической обстановки в иностранном государстве».

Цель провокации (разжигания) войны заключается во внесении острых разногласий в полинациональный и поликонфессиональный мир, что в большинстве случаев приводит к отказу государств, втянутых в «воронку» конфликта, от мирного урегулирования межгосударственных споров и ответным масштабным силовым действиям.

Цели, сформулированные как «осложнение международных отношений», «провокация международных осложнений», свидетельствуют о пренебрежении субъектами международно-террористических акций правилами, которые установлены и санкционированы международным сообществом, что существенно затрудняет взаимодействие государств на взаимовыгодных условиях. Так, 31 октября 2015 г. в результате теракта на борту пассажирского самолета, следовавшего по маршруту Шарм-эш-Шейх–Санкт-Петербург, погибли все находившиеся на его борту пассажиры и члены экипажа. Несмотря на согласованные действия представителей Российской Федерации и Арабской Республики Египет, соблюдение сторонами требований и норм национального и международного права при расследовании обстоятельств происшествия, последствия в форме дестабилизации имиджа государства были достигнуты. 6 ноября 2015 г. было принято решение о приостановлении авиационного сообщения между Россией и Египтом «до налаживания должного уровня безопасности авиационного сообщения»²⁴. Авиационные власти Великобритании, Ирландии и Германии также запретили своим авиакомпаниям полеты над Синайским полуостровом и в Шарм-эш-Шейх до выяснения причин катастрофы российского лайнера.

19 декабря 2016 г. в Турции во время официального мероприятия был убит Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Турецкой Республике А. Г. Карлов. Деяние квалифицировано по ч. 3 ст. 361 УК РФ (акт международного терроризма, повлекший причине-

²³ См.: Paris attacks kill more than 120 people – as it happened. URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2015/nov/13/shootings-reported-in-eastern-paris-live> (дата обращения: 10.06.2018).

²⁴ Президент согласился приостановить авиасообщение с Египтом до установления должного уровня безопасности авиаперелетов. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50645> (дата обращения: 10.06.2018).

ние смерти человеку)²⁵. Российская и турецкая стороны охарактеризовали цель данного преступления как подрыв отношений между Россией и Турцией. Несмотря на то что главы государств, действуя политически мудро и дальновидно, не допустили отчуждения и настороженности по отношению друг к другу, это трагическое преступное событие вряд ли будет скоро забыто.

В отдельных отечественных и зарубежных источниках, посвященных изучению терроризма, в качестве его свойства упоминаются политические мотивы (мотивация)²⁶, связанные с конфронтацией индивидуальных и коллективных субъектов относительно существующего строя и органов власти. На наш взгляд, ни гиперболизировать политический характер мотивов акта международного терроризма, ни тем более уравнивать их с политическими целями не следует. Проводя отличие цели от мотива, В. Н. Кудрявцев справедливо указывал, что «мотив представляет собой внутреннее побуждение, которое еще не направлено на конкретный предмет (объект), способный его удовлетворить. Цель же, напротив, именно эту функцию и выполняет: она указывает на то, какой результат должен быть достигнут для удовлетворения мотива»²⁷. Для нас очевидно, что международная террористическая деятельность далеко не всегда обусловлена внутренними побуждениями ее участников расшатать либо укрепить политическую систему общества. Мотивы лиц, причастных к такой деятельности, могут быть самыми разнообразными – «от фундаментального или сектантского, религиозного, националистического, социального фанатизма до стремления к самоутверждению, «прославлению» себя, мести и т. д.»²⁸. Следовательно, цели акта международного терроризма подлежат самостоятельной оценке, без прямой привязки к мотивам преступлений.

Тот факт, что многие террористические действия совершаются по политическим мотивам и целям, «не превращает их из преступления в некую политическую акцию, требующую политического убежища»²⁹. В силу положений Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г., Декларации о мерах по ликвидации междуна-

²⁵ В связи с убийством российского посла в Турции возбуждено уголовное дело. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1089171/> (дата обращения: 10.06.2018).

²⁶ См.: *Crenshaw M.* Terrorism and international cooperation. New York : Inst. for East-West security studies, 1989. P. 6 ; *Feary R.* Introduction to International terrorism // *International terrorism in the Contemporary World*. 1978. P. 25–35 ; *Jenkins B.* The Study of Terrorism : Definitional Problems. Santa Monica : RAND, 1980. P. 2–3 ; *Басецкий И. И., Легенченко Н. А.* Указ. соч. С. 30 ; Терроризм : психологические корни и правовые оценки. Круглый стол. С. 25–26.

²⁷ *Кудрявцев В. Н.* Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М., 1998. С. 101.

²⁸ *Салимов К. Н.* Современные проблемы терроризма : криминологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 17–18.

²⁹ *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования : уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 264.

родного терроризма (одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г.), резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г.³⁰, любое общественно опасное деяние, связанное с жестокостью и стремлением произвести политические изменения посредством преступного насилия, должно влечь моральное порицание и применение правовых санкций. Деяния, направленные на создание благоприятствующих условий для лишения оппонентов власти посредством насильственного, устрашающего, деструктивного воздействия на общественные устои и государственность в пределах одной или нескольких национальных территорий всегда общественно опасны и заслуживают статуса преступления. Поэтому, на наш взгляд, криминализация политических целей в норме об ответственности за акт международного терроризма не порождает сомнений относительно процессуальной осуществимости преследования лица, совершившего данное преступление.

На основании проведенного анализа положений, содержащихся в международно-правовых документах, российских нормативных актах, научных работах, затрагивающих цели международного терроризма и его конкретных актов, приходим к следующим выводам.

Российский законодатель, описывая состав акта международного терроризма, был абсолютно прав при отборе субъективных признаков, отражающих общественную опасность данного деяния. Вместе с тем существующая в настоящее время формулировка в незначительной степени учитывает сознательное стремление субъекта рассматриваемого преступления к распределению и коррекции власти в мировом масштабе, несмотря на крайне высокую степень непереносимости в обществе подобного стремления. Для рационального применения нормы об ответственности за акт международного терроризма представляется целесообразным скорректировать ее основной состав (ч. 1 ст. 361 УК РФ), сформулировав в диспозиции глубинные признаки посягательства как направленного на получение, удержание и использование власти, ослабление политических противников и укрепление собственных позиций во внешнеполитических процессах. Как криминообразующий признак цели, имеющие значение политических, довольно удачно описываются в уголовном законодательстве отдельных государств – участников СНГ. Вместе с тем не с каждой из формулировок можно безоговорочно согласиться – они нуждаются в переосмыслении на предмет логической непротиворечивости российскому законодательству и уголовно-правовой

³⁰ Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. URL: <http://to14.minjust.ru/ru/node/2799> (дата обращения: 08.06.2018) ; Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl.shtml/ (дата обращения: 08.06.2018) ; Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/557/45/PDF/N0155745.pdf?OpenElement> (дата обращения: 08.06.2018).

терминологии, положениям международных обязательств, принятых на себя Российской Федерацией.

Полагаем, что более емкое выражение законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 361 УК РФ специальной цели, во-первых, позволит с достаточной точностью определить место акта международного терроризма среди преступлений террористического характера и одноуровневых преступлений против мира; во-вторых, ориентирует данную норму на потребности международного сообщества и охрану универсально-значимых ценностей.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Воднева М. А., аспирант кафедры уголовного права и криминалистики

E-mail: mari.vodneva@yandex.ru

Tel.: 8-917-581-21-38

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Vodneva M. A., Post-graduate Student of the Criminal Law and Criminalistics Department

E-mail: mari.vodneva@yandex.ru

Tel.: 8-917-581-21-38